

Баронесса. Ги де Мопассан

— Ты увидишь много любопытных безделушек, пойдем со мной, — сказал мой приятель Буарене.

Он привел меня в красивый особняк на одной из главных улиц Парижа, и мы поднялись во второй этаж. Нас принял представительный господин с безупречными манерами; он водил нас из комнаты в комнату и показывал всевозможные редкости, небрежно называя их цену. Крупные суммы в десять, двадцать, тридцать, пятьдесят тысяч франков слетали с его губ так естественно, так непринужденно, что вам начинало казаться, будто в несгораемом шкафу этого великосветского торговца хранились целые миллионы.

Я давно уже знал о нем понаслышке. Чрезвычайно ловкий, изворотливый, умный, он служил посредником в самых разнообразных сделках. Поддерживая связи со всеми богатыми коллекционерами Парижа, Европы и даже Америки, прекрасно зная их постоянные вкусы и временные пристрастия, он тотчас извещал их запиской или депешей, — если они жили в другом городе, — как только появлялось в продаже подходящее для них произведение искусства.

Люди самого высшего общества прибегали к его услугам в затруднительных обстоятельствах, если надо было уплатить проигрыш, вернуть долг, продать картину, фамильную драгоценность, гобелен, а иногда, в минуту острого безденежья, даже лошадь или поместье.

Молва утверждала, что он никогда не отказывал в помощи, если предвидел верную прибыль.

Буарене, очевидно, был коротко знаком с этим оригинальным продавцом. Должно быть, им приходилось вести вместе не одно дело. Я же наблюдал его с большим интересом.

Он был высокого роста, худощавый, лысый, очень элегантный. В его мягком, вкрадчивом голосе таилось своеобразное очарование, очарование обольстителя, придающее всякому предмету его коллекции особенную ценность. Взяв в руки какую-нибудь безделушку, он вертел ее, разглядывал, поворачивал так ловко, умело, бережно, с такой любовью, что вещь сразу становилась красивее, как бы преображаясь от его взгляда и прикосновения. И вы мысленно оценивали ее гораздо дороже, лишь только она переходила из витрины к нему в руки.

— А где же распятие, — спросил Буарене, — то чудесное распятие эпохи Возрождения, которое вы мне показывали в прошлом году?

Он улыбнулся.

— Оно продано и при весьма занятых обстоятельствах. Вот уж, действительно, чисто парижская история. Рассказать ее вам?

— Сделайте одолжение.

— Знаете вы баронессу Самори?

— И да и нет. Я видел ее только раз, но знаю, что это за особа.

— Вы про нее... все знаете?

— Да.

— Будьте так любезны, расскажите; посмотрим, не ошибаетесь ли вы.

— Охотно. Госпожа Самори светская женщина, и у нее есть дочь, хотя о муже никто никогда не слышал. Во всяком случае, если мужа и не было, то любовников она отлично умеет скрывать, потому что в известных кругах общества, где люди снисходительны или слепы, ее охотно принимают.

Она посещает церковь, набожно причащается, выставя напоказ свое благочестие, и ничем себя не компрометирует. Она надеется, что дочь ее сделает блестящую партию. Не так ли?

— Именно так; я дополню ваши сведения: она содержанка, но умеет так себя поставить, что любовники, хоть и спят с ней, все же уважают ее. Это редкий дар; таким способом можно добиться от мужчины чего угодно. Тот, кто становится ее избранником, ни о чем не подозревая, долго за ней ухаживает, робко мечтает, смиренно умоляет, а овладев ею, боится поверить своему счастью и, обладая, не перестает ее уважать. Он и сам не замечает, что содержит ее, так ловко она умеет за это взяться; она соблюдает в отношениях с ним такое достоинство, сдержанность, благопристойность, что, выйдя из ее спальни, он дал бы пощечину всякому, кто способен усомниться в целомудрии его любовницы. И притом совершенно искренне.

В свое время я нередко оказывал этой даме кое-какие услуги. И у нее нет от меня тайн.

Так вот, в начале января она пришла ко мне с просьбой одолжить ей тридцать тысяч франков. Разумеется, я не дал ей такой суммы, но, желая чем-нибудь помочь, попросил ее сообщить мне о своих затруднениях, чтобы выяснить, не могу ли я быть ей полезен.

Она изложила все обстоятельства в столь изысканных выражениях, что даже о первом причастии своей дочки не могла бы рассказать более деликатно. Словом, я понял, что времена настали тяжелые и что она сидит без гроша.

Экономический кризис, политические волнения, которые будто нарочно поощряет нынешнее правительство, слухи о войне — все это создало заминку в деньгах; их трудно выудить даже у поклонников. Кроме того, не могла же она, женщина порядочная, отдаться первому встречному.

Ей нужен человек с положением, из лучшего общества, который упрочил бы ее репутацию, оплачивая в то же время ее ежедневные расходы. Какой-нибудь кутила, пусть даже богатый, мог скомпрометировать ее навеки, а в будущем помешать замужеству ее дочери. Еще опаснее обращаться в брачные конторы или же к сомнительным посредникам, которые могли бы на время вывести ее из затруднения.

Однако ей необходимо было жить по-прежнему широко, держать открытый дом, чтобы не терять надежды найти в числе гостей того скромного и солидного друга, которого она так ждала, который был ей так нужен.

Выслушав ее, я дал ей понять, что у меня мало надежды получить обратно свои тридцать тысяч франков; ведь прожив их, она должна раздобыть сразу по крайней мере шестьдесят тысяч, чтобы возвратить мне половину.

Она слушала меня с огорченным видом. И я не знал, что придумать, как вдруг меня осенила одна мысль, мысль поистине гениальная.

Незадолго перед тем я купил то самое распятие эпохи Возрождения, что вам показывал, — превосходную вещь, лучший образец этого стиля, какой я когда-либо видел.

— Дорогая моя, — сказал я ей, — я пришлю к вам на дом это изваяние из слоновой кости. Предоставляю вам самой сочинить какую-нибудь историю, увлекательную, трогательную, поэтическую, какую хотите, чтобы объяснить, почему вам приходится с ним расстаться. Разумеется, это фамильная реликвия, унаследованная вами от отца.

Я со своей стороны берусь присылать к вам любителей старины или приводить их лично. Остальное зависит от вас. Накануне я буду извещать вас запиской об их материальном положении. Этому распятию цена пятьдесят тысяч франков; вам я уступаю за тридцать. Разница — в вашу пользу.

Она сосредоточенно размышляла некоторое время, потом сказала:

— Да, идея, кажется, недурна; благодарю вас от всей души.

Наутро я велел отнести к ней распятие и в тот же вечер направил туда барона де Сент-Опиталь.

В течение трех месяцев я посылал к ней покупателей, выбирая самых лучших, самых солидных среди моей клиентуры. Но больше баронесса не давала о себе знать.

Однажды ко мне явился иностранец, с трудом объяснявшийся по-французски, и я решил сам свести его к г-же Самори, посмотреть, как там идут дела.

Нас встретил лакей во фраке и проводил в изящную, полутемную, со вкусом меблированную гостиную, попросив обождать несколько минут. Появилась баронесса, обворожительная и любезная, протянула мне руку, пригласила нас сесть; когда я объяснил цель нашего визита, она позвонила.

Снова явился лакей.

— Подите узнайте, — сказала она, — не разрешит ли мадмуазель Изабелла войти в ее часовню.

Девушка сама пришла с ответом. Лет пятнадцати на вид, скромная и кроткая, она сияла юной свежестью.

Она пожелала сама проводить нас в часовенку.

Это было нечто вроде будуара, обращенного в молельню; перед распятием — перед моим распятием! — возлежащим на черном бархате, светилась серебряная лампада. Зрелище было пленительное и искусно подготовленное.

Перекрестившись, девушка обратилась к нам:

— Посмотрите, господа, как это прекрасно!

Я взял распятие, внимательно осмотрел и заявил, что это выдающееся произведение искусства. Иностранец также любовался им, но, казалось, гораздо больше был заинтересован обеими женщинами, чем Христом.

В комнате приятно пахло — цветами, ладаном, тонкими духами. Там дышалось легко. Это был поистине уютный уголок, который не хотелось покидать.

Вернувшись в гостиную, я осторожно, деликатно затронул вопрос о цене. Г-жа Самори, скромно потупив глаза, назвала сумму в пятьдесят тысяч франков.

Затем добавила:

— Может быть, вам захочется еще раз взглянуть на него, сударь, так имейте в виду, что я никогда не выхожу раньше трех; меня всегда можно застать дома.

На улице иностранец подробно расспросил меня о баронессе, находя ее восхитительной. Однако я долго не имел известий ни о нем, ни о ней.

Прошло еще три месяца.

Однажды утром, недели две тому назад, она явилась ко мне во время завтрака и вручила мне бумажник с деньгами:

— Дорогой друг, вы просто ангел. Вот вам пятьдесят тысяч франков; я сама покупаю ваше распятие и приплачиваю двадцать тысяч сверх назначенной цены с одним условием: чтобы вы по-прежнему... по-прежнему посылали мне клиентов... ведь он все еще продается... мой Христос...

Примечания

Новелла напечатана в «Жиль Блас» 17 мая 1887 года.